

Сяо Вэнь испугалась настойчивого и давящего выражения лица Линь Сюя. Она отдернула руку и поморщилась от боли:

— Линь-лаоши, вы мне сделали больно...

Линь Сюй разжал пальцы, его челюсть напряглась, и он снова принял холодный вид:

— Прости.

— Ничего.

Сяо Вэнь погладила садящееся запястье и бросила взгляд на остановившуюся перед ними машину:

— Это мой парень, он приехал за мной.

Линь Сюй:

— Ты только что сказала, что у Цзян Яна появился парень?

Сяо Вэнь моргнула, чувствуя себя озадаченной:

— Да... Разве вы не знали? Он гей.

Линь Сюй нахмурился, плотно сжав губы, от него повеяло холодной и мрачной атмосферой.

В голове всплыли обрывочные воспоминания университетских лет. Они проносились вспышками — отрывочно, бессистемно и урывками. Остального он толком не помнил, но веселый и красивый образ Цзян Яна выделялся с поразительной яркостью.

То, как он, вспотевший после игры в баскетбол, пил воду. То, как весело беседовал с однокурсницами. И то, каким заботливым и внимательным был с девушкой, когда состоял в отношениях...

Цзян Ян — гей?

Как такое возможно?!

— Почему невозможно? Он сам об этом сказал, — Сяо Вэнь моргнула. Поняв, что отношения Линь Сюя и Цзян Яна, судя по всему, далеко не так хороши, как ей казалось, она

почувствовала укор совести за то, что выдала чужой секрет, и тактично добавила: — Линь-лаоши, может... вы обсудите это с ним лично?

Линь Сюй вынырнул из пучины воспоминаний и осознал, что озвучил свои мысли вслух.

— Би-би! — снова раздался гудок: это подгонял парень Сяо Вэнь.

Сяо Вэнь быстрым шагом подошла к машине и открыла дверцу:

— Линь-лаоши, я поеду. Насчет сценария спишемся позже, до свидания.

Едва она села в салон, как лицо ее мгновенно поникло, она закрыла его руками и горько вздохнула:

— Конец, кажется, я натворила глупостей.

Парень спросил:

— Что случилось?

Сяо Вэнь скорчила плаксивую гримасу:

— Я только что рассказала его старшему товарищу о том, что мой коллега — гей. Ну, тому самому парню, что был тут. Я думала, он в курсе! А оказалось, он ни сном ни духом, и судя по его реакции, был просто шокирован и неприятно удивлен. Что теперь делать-то? Нам ведь еще работать вместе.

— Ну ты и болтушка, — парень закатил глаза. — Тогда лучше напиши об этом своему коллеге, предупреди его. Если возникнут какие-то проблемы, они смогут разобраться между собой тет-а-тет.

Сяо Вэнь сочла это разумным, достала телефон и отправила Цзян Яну длинное сообщение, в котором подробно изложила всю предысторию и искренне извинилась за разглашение личной информации.

Цзян Ян, судя по всему, еще не добрался до места развлечений, поэтому ответил быстро.

[CV Цзян Ян: [Смех] Ничего страшного, извиняться не за что. Я этого особо и не скрывал.]

Сяо Вэнь с облегчением выдохнула, и чувство вины на душе заметно уменьшилось.

Но если она вздохнула с облегчением, то в голове Линь Сюя царил полный хаос.

Сидя на заднем сиденье такси, он пролистывал ленту моментов Цзян Яна в соцсетях.

Многие люди являются бисексуалами и интересуются как парнями, так и девушками. В старшей школе Линь Сюй тоже встречался с девочками, а позже, случайно натолкнувшись на гей-видео и почувствовав возбуждение, понял, что его привлекают мужчины.

Поэтому, узнав, что Цзян Ян превратился в гея, он, испытав легкий шок в самом начале, довольно быстро с этим смирился.

Для него это новость оказалась скорее хорошей.

Судя по мелькающим кадрам из балов-вечеринок и коротким видео из караоке, Цзян Ян действительно любил пошуметь и погулять. На каждой фотографии его окружали разные люди, а на парочке снимков он даже довольно близко, по-войсковому закинув руку кому-то на плечо, прижимался к другим. Цзян Ян обладал прекрасным характером, был красив и излучал солнечную энергию. Линь Сюй с самого начала университета знал, что тот то и дело пропадает в барах.

Прежде в кругу друзей Цзян Яна тоже то и дело появлялись фотографии с прогулок: как он выпивает с сокурсниками или друзьями, ездит за город или устраивает пикники. Его личная жизнь была яркой и насыщенной, и при этом он успевал справляться с учебой, а знакомые у него были на каждом факультете.

В прошлом Линь Сюй вел себя точно так же, как и сейчас — словно мыш, что жаждет куса торта, исходит слюной от манящего аромата, но боится приблизиться и может лишь прятаться в темном углу, наблюдая за каждым движением объекта своего воздыхания.

Для парней было совершенно нормально обниматься за плечи, но слова Сяо Вэнь перевернули привычное представление Линь Сюя о Цзян Яне, размывая грань между нормальным мужским общением и двусмысленностью.

Линь Сюй увеличил фотографию, внимательно вглядываясь в лица тех мужчин, что были ровесниками Цзян Яна.

Там были и послушные, милые парни по соседству, и изысканные, солидные деловые люди, и крепкие, мускулистые качки... Все они улыбались в камеру, но их улыбки казались пронзительными и насмешливыми, словно они безмолвно издевались над тем, кто разглядывает снимок: ты так долго безответно сох по нему, а даже не удостоился узнать о его сексуальной ориентации.

Линь Сюй выключил телефон. На душе скребли кошки, и он с равнодушным видом посмотрел в

окно на мелькающие разноцветные огни. Они отражались в его пустых, тусклых глазах, но в них не было и проблеска жизни.

Все его силы были подчистую растрчены на только что завершившемся застолье, и теперь он вернулся к своему обычному состоянию — спокойному, молчаливому, онемелому и холодному.

Спустя пару минут он снова взял телефон, открыл закрепленный диалог в Вичате. Его палец коснулся экрана: в нем впервые проснулось желание проявить инициативу, но в то же время он не знал, с чего начать.

Как раз в тот момент, когда он уже хотел выйти из чата, телефон вигнул, и от собеседника пришло сообщение.

[Yang: Старший, сегодняшняя встреча оказалась неожиданной, а разговор о делах за ужином — слишком поспешным. Впрочем, ничего страшного, впереди совместные проекты, так что поводов пообедать вместе представится масса. Как-нибудь созвонимся-встретимся? [Радость]]

Глаза Линь Сюя чуть расширились. Он снова и снова перепроверял, действительно ли это чат с Цзян Яном и... действительно ли от него пришло сообщение.

Сама фраза «как-нибудь встретимся» чудесным образом стерла все неприятные мысли из его головы. Застоявшаяся, подобно стоячей воде, душа покрылась легкой рябью, словно чье-то перышко коснулось его сердца, и едва уловимый зуд поднялся из самых глубин податливой плоти, туманя разум.

Линь Сюй напечатал множество слов, в нерешительности стирал и снова правил их, но в итоге отправил лишь одно короткое «Хорошо».

По сравнению с длинным сообщением от Цзян Яна его собственный ответ выглядел слишком сухим. Линь Сюй испугался, что это покажется слишком холодным, и вдобавок отправил стикер с маленькой обезьянкой.

Линь Сюй немного подождал, но Цзян Ян больше ничего не ответил.

Такси плавно остановилось у ворот жилого комплекса. Вечерний ветерок принес с собой легкую прохладу, прядки волос у висков слегка затрепетали. Линь Сюй глубоко вздохнул и впервые отчетливо почувствовал аромат цветов, растущих во дворе.

Настроение у него было отличным, шаг — легким. Вернувшись домой, он увидел Лэ-лэ: пес стоял в прихожей, вилял хвостом, высунув язык, и словно радостно приветствовал его.

В квартире горел ночник. Мягкий, теплый желтый свет создавал ощущение уюта, и то место, где он прожил столько лет и знал каждый угол, впервые показалось ему чуточку новым и

необычным. Линь Сюй переобулся, вошел в комнату и окинул ее взглядом. Убедившись, что Лэ-лэ ничего не разорвал и не нагадил где попало, он выдал псу большую говяжью косточку и похвалил:

— Умница.

Лэ-лэ, зажав косточку в зубах, утащил ее на свое место и принялся сосредоточенно грызть.

Линь Сюй бросил взгляд на молчащий WeChat, швырнул телефон на кровать и направился в ванную.

По идее, после выпивки горячий душ должен был еще сильнее затуманить голову: пар и алкоголь, действуя в тандеме, легко вызывают усталость.

Но с Линь Сюем этого не произошло. Он чувствовал себя так, будто ему вкололи адреналин — голова была необычайно ясной, а в лишенных блеска зрачках то и дело мелькали возбужденные искорки. Особенно теперь, когда он узнал о сексуальной ориентации Цзян Яна.

Оставшись в одних трусах и набросив поверх тонкий халат, он позволил влажным волосам свободно падать на плечи. Нетерпеливо отыскав в телефоне переписку с Сяо Вэнь, он нашел отправленный ею аудиофайл.

Линь Сюй скрестил ноги на кровати. Кончики его волос еще капали, и капли воды стекали по шее, заставляя его белую кожу едва ли не светиться.

Устроившись в максимально удобной позе, он в предвкушении и с замиранием сердца нажал на воспроизведение. Услышав тихий шелест помех, он бессознательно затаил дыхание.

В наушниках завывал ветер, цокот конских копыт стремительно приближался, отчетливо слышалось, как железные подковы взметают грязь и песок. Кто-то резко натянул поводья, раздалось конское ржание, а следом — металлический звон обнажаемого клинка.

— Все еще надеешься сбежать? — раздался резкий, но ленивый мужской голос. За этой небрежностью скрывалось непререкаемое величие, а низкий, бархатный тембр обладал невероятным очарованием.

Поскольку это была озвучка, голос персонажа немного отличался от его обычной речи, и для Линь Сюя это звучало особенно свежо.

Дыхание Линь Сюя дрогнуло, он выдохнул влажный воздух, с трудом зажмурился и рухнул на смятые подушки, судорожно прижимая руку к груди, пытаясь усмирить разбушевавшееся сердцебиение.

Предмет его фантазий заговорил его же голосом — это было просто... невыносимо.

— Вэй Хуэй! Ты ублюдок! — мгновенно раздался голос второго главного героя, полный жгучей ненависти. Человек задыхался от бега, спасая свою жизнь, конец фраз срывался на дрожь, а голос прерывался от частых вдохов: — Сам Император издал указ о моем помиловании, с какой стати ты снова...

— Указ? — с беззаботной насмешкой переспросил Вэй Хуэй. По тихому шороху одежды было слышно, как он приподнял руку: — И где же императорский указ? Предъяви.

Снова посчастлился звон скрестившихся клинков, и Гуань Юэчэнь яростно взревел:

— Ты же был там, когда евнух зачитывал указ! Какого черта ты прикидываешься дураком?!

Вэй Хуэй легко усмехнулся. Его бархатный голос источал совершенно очевидную холодность:

— Без императорского указа и нефритовой печати я не признаю эту бумажку. Более того...

Эта пауза заставила Линь Сюя замереть. Прислушиваясь к шагам в наушниках, он неожиданно ощутил тяжелое давление.

Каждый шаг отдавался прямо в его сердце. Перед глазами возникла высокая, ладная фигура Цзян Яна, чье самоуверенное и красивое лицо исказилось жутковатой ухмылкой. В нем сквозила дерзость человека, годами занимающего высокое положение, и он смотрел свысока на беспомощную жертву, переполненный игривым предвкушением.

Линь Сюй закусил губу, ладонь, сжимавшая простыню, вспотела. Лежа на боку, он намочил волосами добрый кусок простыни, а его тело постепенно разогревалось — уже не понять было, от невысохшей ли воды или от пота.

Сюжет придумал он сам, и он прекрасно знал, что Вэй Хуэй скажет дальше, если текст не изменили.

— Его Высочество Линьюань, как же это забавно, с чего бы мне отпускать вас? — голос Вэй Хуэя стал еще ниже и чуть тише, было отчетливо слышно, что он приблизился к чужому уху и произнес это на выдохе. — Вы ведь уже привыкли быть моим, разве вам так легко со мной расстаться?

Тело Линь Сюя задрожало, он свернулся калачиком, белоснежные круглые пальцы ног нервно сминал простыню, а от шеи до самых мочек ушей разлился алый румянец.

Гуань Юэчэнь в гневе вспыхнул:

— Вэй Хуэй! Ты зашел слишком далеко! Ты думаешь, я... а-а!

Он издал крик боли, за которым последовал звук упавшего оружия.

Вся небрежность Вэй Хуэя испарилась, голос стал жестоким и ледяным, словно демон из преисподней:

— Осмелел? Еще и руку на меня поднять вздумал? Кем ты себя возомнил? Разумеется, всего лишь шлюхой, что скулит и виляет хвостом в постели! Пусть все посмотрят на эти метки на твоём теле — какая из них оставлена не моим Ванъе? М?

— Пусти меня! Отпусти! — Гуань Юэчэнь отчаянно забился, и в конце его голоса слышались слезы. — Ублюдок, ты смеешь рвать мою одежду, ты...

— Нет ничего, чего бы я не смел. Сперва ты предал меня, а теперь требуешь благородства? — Под зловеще-возбужденный тон Вэй Хуэя раздался еще один звук рвущейся ткани. — Я и не такое посмею с тобой сделать!

Гуань Юэчэнь испугался не на шутку и заплакал. В его голосе зазвучал густой плач, переходящий в сдавленные рыдания:

— Не надо, я виноват, Его Высочество князь Шэн, я виноват... Не надо...

Шорох одежды стих, и оба тяжело и шумно задыхались.

В наушниках наступила тишина. Вэй Хуэй заговорил снова, его эмоции успокоились, но от голоса по-прежнему веяло леденящим холодом:

— Гуань Юэчэнь, с тех пор как тебя отправили в Великую Ци, ты больше не избалованный принц. Без меня ты жил бы хуже самого презренного слуги во дворце. С чего ты взял, что имеешь право мечтать о побеге?

Гуань Юэчэнь всхлипывал, ничего не отвечая.

— Ты еще не выполнил то, что обещал моему Ванъе, — голос Вэй Хуэя неумолимо приближался. — И куда же ты собрался бежать?

Ознакомительный фрагмент подошел к концу, и в наушниках зазвучала грандиозная и тоскливая главная тема — мелодичные аккорды пропитывали композицию меланхолией любви.

Линь Сюй медленно снял наушники. В его отрешенных глазах блестела влага, а щеки, мочки

ушей и шея горели алым. Только что промелькнувшие образы казались в его голове пугающе живыми: когда он писал эту историю, он подставлял лицо и голос Цзян Яна, и теперь все это ожило прямо перед ним.

Он плотно сжал бедра, охваченный невиданным прежде чувством стыда. В голове царил полный кавардак, а разум и тело были охвачены небывалым возбуждением.

Эта озвучка была безупречной во всех отношениях: эмоции главных персонажей переданы предельно глубоко, атмосфера выдержана идеально, это была настоящая жемчужина.

К тому же голос Цзян Яна звучал еще насыщеннее, чем прежде — низкий, бархатный, а если прислушаться, в нем чувствовалась даже какая-то соблазнительная хрипотца.

Конец.

В отчаянии подумал Линь Сюй, выдыхая влажный, горячий воздух. В движении полы халата распахнулись, обнажая белые с розоватым отливом внутренние части бедер.

Кажется, он любил Цзян Яна еще сильнее, чем пять лет назад.

<http://bllate.org/book/21803/2256457>